

18+

Вадим
Бесов

Я выбираю...

Р о м а н

к н и г а
ч е т в е р т а я

Вадим Бесов

**Я выбираю. Роман.
Книга четвёртая**

«Издательские решения»

Бесов В.

Я выбираю. Роман. Книга четвёртая / В. Бесов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963983-7

Роман «Я выбираю» посвящен проблеме духовно-нравственного выбора. Автор последовательно раскрывает порочные механизмы «матрицы лжи», управляющей умами людей. На что опереться человеку в этом лукаво устроенном мире? Как преодолеть тотальный кризис, охвативший страну и людские души? По мнению автора, только вера, здравомыслие и голос собственного сердца могут указать спасительный путь. Однако стоит помнить, что выбор, как и ответственность за его последствия, всегда остаются за каждым из нас.

ISBN 978-5-44-963983-7

© Бесов В.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	10
Часть третья	14
Часть четвёртая	18
Часть пятая	22
Часть шестая	26
Часть седьмая	31
Часть восьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Я выбираю Роман. Книга четвёртая

Вадим Бесов

© Вадим Бесов, 2024

ISBN 978-5-4496-3983-7 (т. 4)

ISBN 978-5-4496-3980-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Все события и персонажи являются вымышленными и любое совпадение
с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.*

Часть первая

Он смотрел на своё отраженье,
Любовался своей красотой.
Взгляд недобрый его, непростой
Свысока делал всем одолженье.
Он уверен в себе бесконечно,
Собирается жить, видно, вечно.

Полысел, постарел, истоптался,
Но солидным по-прежнему был.
Богачом он безжалостным слыл,
Но не ради богатства старался.
Он тельца все этапы прошёл,
В них отрады Адам не нашёл.

Шляпу начал носить постоянно,
Бородёнку пустил на лицо,
На мизинце – со знаком кольцо,
И пенсне не по времени странно.
Все костюмы – тона потемнее,
А рубашки всё снега белее.

Кабинет был огромных размеров,
Мебель блеском слепила глаза;
И не раз протекала слеза,
Там хватало жестоких примеров:
Посетители в страхе входили,
Очень многих потом уносили.

Был угрюмым частенько властитель,
Заскучал он по жизни, тоска...
Часто мысленно ствол у виска...
Приключений искал повелитель —
Лебезящая масса знакомых
Не дала ощущений искомых.

Сны проклятые с толку сбивали,
Очень часто повторы и муть,
А местами кошмарная жуть
Высыпаться ему не давали.
Прошлых дел были то отголоски,
Чёрно-белые жизни полосы.

Вот бы дельце хорошее всплыло,
Чтобы риск подзадорил, завёл,
Я б интригу такую заплёл,

Чтоб от ужаса общество взвыло.
Был азартен бесовский служитель,
Жизней, судеб проклятый губитель.

Секретарь постучал тихо в двери:
«Разрешите войти, господин?»
Тот сидел совершенно один
В богатейшем своём интерьере.
Неспокойно хозяин ответил:
«Видишь, занят, ты что, не заметил?»

И гонял просто так, из-за скуки.
Много раз секретарь выходил,
А потом забегал, заходил —
И по швам, словно в армии, руки.
Надоели Адаму занятия:
«Мне поведай, чем заняты братья?»

Рассказал секретарь всё по чину,
Обо всём был подробный доклад:
Как прошёл предыдущий обряд,
Новички как вступили в общину.
Шеф в сообществе тайном оформлен,
С детства сектой он этою вскормлен.
Ненавидел он всех откровенно,
С высоты небоскрёба смотрел:
Ах, скорей бы весь город сгорел
Со страной своей непременно,
До последнего чтоб гражданина
Пала в пропасть людская дружина.

Неприятно там люди ходили,
Светофоры моргали противно,
Купола в небо взглядом активно,
Как казалось Адаму, хамили.
Чтоб скорее всё это пропало,
Он потратил ресурсов немало,

Неустанно работал, запоем,
Годы лучшие жизни потратил,
Деньги жадной рукою лопатил,
Стал в кругах финансистов героем.
Но чем больше бедняга старался,
Тем всё меньше развал получался.

Это всё не давало покоя,
Удивлялся Адам бесконечно:
Неужели продолжится вечно
Эта жизнь из российского кроя?

Где ответ на загадку скрывался?
Этот ребус Адаму не дался.

Всё считал и высчитывал схемы,
Математику, физику ввёл
И журнал по статистике вёл.
Сочинял, составлял теоремы...
Хоть и острый был ум у Адама,
Не продвинулся в деле ни грамма.
Разорял, разрушал, издевался,
Душ невинных он тьму загубил,
Предприятия, фирмы топил
И со злобой звериной старался.
Но опять возрождались заводы,
Снова шли по морям пароходы.

Раздражало всё это и злило,
Но упёртый герой, что сказать,
И талант у него не отнять.
На добро, жаль, не тратилась сила.
Пребывал вот в таком настроенье
Наш великий расчётливый гений.

Секретарь методично долдонил,
Шеф любил знать про всё и про всех.
Человеческий выгоден грех —
Эту с детства науку запомнил.
Замечательна слабость людская,
Собирал дивиденды играя.

Был привычен доклад для Адама,
Информация – глупой, пустой.
Все финансы давно под пятой.
Жадность – очень уж хитрая дама.
В кабалу попадали к Адаму,
Разыграв по сценарию драму.

Дань исправно Адаму платили,
Боязливо неся чемодан,
Для себя лишь немного в карман.
Выбирай вариант: или – или.
Коль не платишь – готовься к отставке,
Смерть и гроб – вот такие здесь ставки.
Задремал босс, от скуки зевая:
«День за днём одинаковый бред.
От речей тех тоска мне и вред.
Ты заканчивай ересь без края».
Утомился от праздности жизни —
Господа стали ныне капризны.

Он добрался уже до предела,
Нет ни роста, ни цели вперёд,
Капитал мыслей тех не даёт,
Беготня за тельцом надоела.
Мир улучшить не мог, не стремился,
Богатей лишь от скуки томился.

Вдруг услышал он новость иную:
Необычным казался доклад,
Информация шла невпопад.
«Пропустить важность сути риску», —
И взбодрился Адам, и проснулся,
И как будто бы вдруг улыбнулся.

«Повтори-ка, дружок, всё сначала,
Уловил интерес я в словах.
Преуспеть, вижу, можно в делах.
Про завод фраза что означала?»
Он услышал про чью-то удачу,
Скоро точно соперник заплачет.

Разговор шёл о старом заводе,
Тот уж был пару раз разорён,
До могилы почти доведён,
А теперь снова вроде на взводе.
Там директор, кажись, поменялся,
И завод из могилы поднялся.
Он в систему Адама включался,
Но хотел из неё выходить
И в свободном порыве уплыть,
Из-под ига уйти собирался.
Виноват в том директор рисковый,
Путь заводу назначил он новый.

У Адама вспотели ладошки,
Скука мигом прошла стороной.
Кто тот смелый и наглый герой —
Со стола моего берёт крошки?
Вот и дело! Адам засмеялся.
Секретарь обомлел, испугался,

Шефа страшным таким он не видел —
Наступили, видать, на мозоль.
Он привык, что везде он король,
А тут смертник Адама обидел.
Пробежал холодок меж лопаток —
Был хозяин безжалостно хваток.

Часть вторая

Разговор ни о чём продолжался.
Вызван Фёдор к Адаму за стол,
Взгляд Адама направился в пол —
Собеседника глаз он боялся.
«Без войны все решим, согласуем,
Ведь итог той войны предсказуем».

Заливался Адам, суетился:
«Ты, приятель, залез не туда.
Не составит большого труда
Уничтожить всё, чем ты гордился.
Твой завод в нашей схеме – игрушка,
Словно муху прихлопнет хлопущка.

Ты вот сам о себе бы подумал —
Жизнь короткая штука, дружок,
Не уменьши себе жизни срок.
Я и должность тебе вот придумал:
Будешь главный у нас ты по спорту,
Всех атлетов возглавишь когорту.

Ну и золотом мы не обидим,
Будешь с нами на равных почти.
Вот бумаги возьми и прочти,
Мы с коллегами так это видим,
А заводик оставим для виду.
Не держи уж ты, Фёдор, обиду.

И народец с тобой расшалился,
Мысли глупые ты им привил?
Про свободу зачем говорил?
Опрометчиво с людом сроднился,
Что с народа рабочего толку?
К нам, в элиту, давай втихомолку.

Заживёшь, Фёдор, ты как хозяин,
Будешь сам ты почти всё решать
Да совет у меня вопрошать.
Разговор и сейчас не случаен,
Буду рядом всегда я с тобою
Подправлять незаметно рукою».

И угрозы, и подкуп звучали,
Лесть, обман и дешёвый шантаж,
Ну и просто словесный купаж.

Эти средства всегда выручали,
Был Адам в деле подкупа бог —
Он в бараний всех скручивал рог.

Был уверен, что скоро уступит
Этот выскочка, ватный герой,
Он наивен своей простотой.
Остроту быстро парень затупит,
Может, цену себе набивает,
Так от жадности часто бывает.

Мог гордиться Адам своим делом,
Он умел убедить, запугать,
Языком молотить – не пахать,
Ну и в возрасте был уже зрелом.
И сейчас он нисколько не верил,
Что стучится в закрытые двери.

«Уж давай завершать мы беседу?
Ты давай соглашайся, дружок,
И с тебя за советы должок.
На завод твой я сам перееду,
Офис там прямо новый открою,
Так командовать будем с тобою».
Наблюдал за Адамом директор,
Вид серьёзный и строгость в глазах.
Жаль, погряз собеседник в грехах,
А такой замечательный лектор.
Уловил блеск в глазах он холодный,
До чужого богатства голодный.

Фёдор понял прекрасно, что будет,
Если скажет сейчас ему «нет»,
Как изменится сразу куплет,
И проблем сразу сколько прибудет...
«Головой я рискую своею
И народ на заводе жалею».

Уловил, что Адам не последний
В этой дьявольской песне певец,
Он от силы огромной гонец,
Схватка будет, понятно, последней.
Отдавал он отчёт, что бывает,
Когда кто-то их путь прерывает.

Риск огромный перечить Адаму.
Фёдор помнил завод про иной,
Там директор рискнул головой,
Превращён был коллега в рекламу.

Долго бегали с телом, кричали
И завод окунули в печали.

Да примеров таких очень много,
Кто убит, кто случайно пропал,
Кто от страха за жизнь убежал,
Не отдать чтобы кровью налога.
В кабалу свой завод загоните
И на братство Адама пашите.
Размышлял Фёдор грустно об этом,
Справедливости нет никакой.
Ад продолжится страшный людской,
Распрошася люд с Божьим светом,
В рабстве вечном придётся прожить
И народ счастья жизни лишить.

Эх, была не была, мы ж за правду,
Значит, Бог нас не бросит, не сдаст
И в сердца нам подсказки издаст.
Риск огромный наш точно оправдан,
Не в характере Фёдора сдаётся —
Первым бей, коли выпало драться.

Он спокойно и чётко ответил:
«Всё заманчиво, что тут сказать.
Вы способны, Адам, убеждать.
Тонкий ум я ваш тоже заметил.
И с командой такою надёжно
Покорять мир финансов несложно.

Я партнёром вам быть предлагаю,
Всё на равных, такой интерес.
Правды будет у нас перевес,
Я в делах лжи всегда избегаю.
Мы трудиться продолжим совместно,
Поработаем искренно, честно.

Разовьём предприятие на славу,
Станет сильным и мощным завод,
И в достатке и счастье народ,
Все довольны и рады по праву.
Созидательный труд – всё от Бога.
К небу станет короче дорога...
Места много, завод же огромный,
Хватит всем, только честно трудись,
Друг за друга покрепче держись
И в желаниях будь уже скромный.
Вместе мы далеко заберёмся,
Над собою работой займёмся.

Нет пределов такому заводу,
Только разом дорога вперёд.
Бог для этого силы даёт,
На планете лучшим погоду,
На Земле всем спокойнее станет,
И война уж от крови устанет.

Так не может быть в мире порядка,
Когда всё разрешает один,
Он для всех гегемон-господин,
Миру срочно потребна разрядка.
Каждый сам на заводе с народом
Пусть решает, что будет под сводом.

И закон нужно общий придумать,
Тот, который для всех подойдёт.
Всё серьёзно, не лишь бы сойдёт.
Обо всех стоит крепко подумать,
Диктовать не получится волю,
Ухудшать люда тяжкую долю.

Безопасности нет на заводах,
Все боятся за жизни детей,
И в скотов превратили людей
Те заботы о ваших доходах.
Мир взорвётся огнём безвозвратно,
И дороги не будет обратно».
Говорил, объяснял Фёдор с жаром,
Он в душе неуёмный боец.
«Всем заводам не будет конец,
Не охвачены будут кошмаром.
Не могу я, Адам, согласиться,
Не умею я рабски стелиться.

Предавать я народ не умею,
Знаю, будет всё это не впрок.
Жажда денег – тяжёлый порок.
Продавать не своё я не смею,
Справедливость – такие задачи,
И при мне вряд ли будет иначе». —

«Я услышал всё, Фёдор, и понял,
Посочувствовать только могу:
Мог бы взять я тебя к пирогу,
Да, видать, ты меня недопонял.
Выбор сделан, уже не изменишь,
Силу нашу ты шкурой измеришь»...

Часть третья

«Ты напомнил мне прошлые годы:
Был такой же когда-то мудрец,
Сам себе приближал он конец,
Уменьшал нам собою доходы...
Ну и где он теперь, тот писатель,
Тоже был всех народов спасатель.

Удались, не увидимся, хватит!»
Фёдор встал и поспешно ушёл.
«Разговор наш в тупик весь зашёл,
Время Фёдор моё только тратит».
В одиночестве так и остался,
С собеседником грубо расстался.

Подошёл к бару твёрдой походкой,
Взял стакан и бутылку, налил:
«Видно, зря я его пригласил.
Встреча вышла печально-короткой».
Растревожил он прошлые раны,
Случай вышел, как рухнули планы.

Время было: Адам наш – издатель,
Братством в должности он утверждён,
В правоте, как всегда, убеждён.
Прикреплён за Адамом писатель,
Чётко сказано: пудри мозги
И писательский дар ты сожги.

Он обхаживал долго поэта,
Так и сяк предлагал то и то,
Разыграл перед ним шапито,
Но не вышло с поэтом дуэта,
Сбилась чёткая суперпрограмма,
Натерпелся Адам тогда срама...

Он не понял совсем, что случилось,
Что же этот писатель хотел,
От успеха почти заблестел.
И неясно, как всё получилось...
«Завалил я поэта деньгами,
Окружив лишь своими друзьями.

Перспективы такие прохлопав,
Мог же жить и со славой дружить,
А он честью решил дорожить.

Озаботился жизнью холопов,
О народе каком-то всё бредил,
Он хотел, люд его чтоб приметил.

Тем желал он увидеть признание,
Это вздор – я ему объяснял,
И очки я просил, чтобы снял.
Ты уймись, а то ждёт наказание.
Мир другой, и всё куплено нами,
Так идёт не годами – веками.

Корректировать книгу старался
Я ему, чтобы шёл по пути,
Он же сам от себя накрутил,
Без моих поручений издался
И книжонку свою напечатал.
Человечка помочь я сосватал.

Наш издатель тот мной специально
Был приставлен за всем проследить
И научен, что как говорить.
Наше братство всё делает тайно,
Не почуял писатель подвоха,
Жаль, закончил, конечно же, плохо.
Своей книгой стада растревожить
Так хотел тот несчастный поэт,
Людям дать и надежду, и свет
И любовь на планете умножить.
Разбудить не получится стадо —
Наше братство для света преграда».

На Адама нахлынули мысли,
Он со злобой припомнил тот час,
Для поэта концовку припас,
Как кровавые тучи нависли
(Со стаканом стоял и не пил),
А поэта он просто убил...

Нет, не сам, не руками, конечно,
Он боялся испачкать пиджак.
Обустроил всё именно так:
Исполнителя хаут пусть вечно,
Всю вину он с себя перекинул,
Посторонних к убийству придвинул.

Весь тираж уничтожили книги
С тем издателем, что предавал,
Пачки ловко в костёр подавал
Этот деятель страшной интриги.

Получил серебра от Адама —
Так прекрасно разыграна драма.

Тот издатель, попозже, свихнулся,
Пару книг он оставил себе
И рассказывал людям везде,
Что поэт с того света вернулся.
Экземпляра те два он размножил
И народ этим текстом тревожил.
Порешали беднягу окутать —
Навсегда он пристроен в дурдом,
И болвану тому поделом!
Карты все умудрился он спутать,
Вне себя был Адам от досады,
Ждал напрасно от боссов награды.

Текст из книги расползся по свету,
На словах разносился в умах,
И Адам в беготне и трудах
Всё способствовал книги запрету,
Искажал он и лгал неуёмно —
Сумма трат оказалась огромна.

Всё без толку, поток не иссякнет,
И в уме книга каждом людском
В сердце ярко горит огоньком
И в минуту печали поддакнет.
Этот страшный Адама провал
Всю карьеру ему подорвал.

Раздражённо стакан он поставил,
Не отпив ни глотка, ни чуть-чуть.
Эту прошлую мерзкую жуть
Он, глаза закрывая, представил:
«Этот деятель, ну, что с завода,
От него у меня непогода.

Он похож, чёрт возьми, на поэта:
Тот же трезвый внимательный взгляд,
И глаза тем же светом горят,
И уверенность, как у атлета.
Эти двое, директор с поэтом,
Помешались каким-то там светом».
Понимал всё Адам, очевидно,
Что директор вот так не уступит
И Адам копьё-стрелы затупит.
Но бояться его не солидно,
Непонятна людская природа,
Неясна мне такая порода.

Напролом не получится биться,
Эти лягут за дело хоть все,
На миру у них гибель в красе.
С ними будем иначе трудиться,
Эти люди – со нравом могучим,
Да и в гневе мы точно получим.

Делать будем спокойно, умело.
В голове у Адама есть план.
«Создадим им красивый капкан,
В мозг дадим инородное тело,
Силу духа деньгами разложим
И в сердца жадность ловко уложим.

Пережрут пусть спокойно друг друга,
Мы устроим войну против всех
И завод заберём без помех,
А директор нам будет прислуга.
Мы руками чужими воюем,
Результат той войны предскажем».

Был Адам агрессивно настроен,
За поэта он Фёдору мстил,
Прошлый долг он тогда не закрыл.
Ум Адама с тех пор неспокоен.
Делу мести всецело отдался,
Взять реванш в этот раз собирался.
Вот и дело ему подвернулось,
Заскучал по экстриму Адам.
«Ох, сейчас я им перцу задам!»
Всё нутро богатея проснулось,
Как спортсмен, возбудился на старте,
Потирать начал руки в азарте.

«Перед боссами выступлю чётко,
Может, будет по рангу подъём.
И рабочих с завода прижмём,
А директору вырвется глотка.
Своего управленца поставим,
Наши песни исполнить заставим.

Раз разработаю план наступленья,
Как захватывать будем завод,
Как в мозгах у людей хоровод
Мы завертим до их отупенья.
Братство даст мне «добро» на победу,
На завод я хозяином въеду»...

Часть четвёртая

Он сидел, как шальной, на кровати:
Снова сон растревожил его,
Много лет не смотрел ничего,
А сегодня кошмар так некстати.
Всё из прошлого снились картины,
Подсознания тревожа глубины.

Началось это после убийства.
В эту ночь сразу снился поэт,
Весь светился его силуэт,
Говорил, что конец кровопийства,
Он с улыбкой смотрел на Адама,
Говорил о строительстве храма.

И без злобы, спокойно и чисто
Предлагал поменять всё и вся,
В жизнь Адама любовь принося,
Улыбался глазами лучисто.
«Ты запутался, друг мой Адам,
Путь другой, коль захочешь, я дам.

Всё не сложно, пойми, мой приятель,
Просто правду к себе подпусти,
Душу дай ей свою вознести,
И ты сразу любви получатель.
Так придёт от Творца поощренье,
Будет очень приятным прощенье.

Будешь чувствовать рядом дыхание,
Бог не бросит тебя никогда.
Только правдой живи ты всегда,
Он оценит любого старанье.
Выходи ты из тьмы беспросветной,
Сделай это мечтою заветной.

Отдавай благодать людям сразу,
Не копи, не накопится впрок,
Жадность ведь не от Бога порок.
Изгоняй ты гордыни заразу
И не трусь все богатства оставить,
Ведь не поздно ещё всё исправить.

Там, где я, это всё только тяжесть.
Не взлетишь ты от веса всего,
Здесь не купишь ты, брат, никого,

Налегке испытаешь лишь радость.
Тут оценят другие заслуги,
Будем вместе, мы Божии слуги».

Уходил он потом так неспешно
И рукой, оглянувшись, махал,
Будто встречу ещё намекал.
И Адам просыпался, конечно,
Вытиралась полночи им влага,
Весь в поту и кошмаре бедняга.

Это длилось период немалый,
Года три иль четыре всё шло,
А потом как-то резко прошло.
Стал он спать, как пожарник бывалый,
Но теперь не давала покоя
Книга автора честного кроя.

Шла по людям, умы просветляя,
Становился сильнее народ,
Здравомыслия был уж черёд,
И от гнёта рабов тем спасая.
Это в планы никак не входило,
Не предвидел Адам эту силу.
Наяву начинались кошмары,
И из братства угрозы пошли:
«Ты смотри, чтоб стада не ушли.
Избежать не получится кары,
Нужно как-то менять настроенья,
Исключи ты людские волненья».

Всё же способ нашёлся подлейший,
Обмануть всех Адам так решил:
Свою руку ко лжи приложил,
Был подлог сформирован чистейший.
Он засел за работу запоем:
«Мы мозги всем активно промоем».

Книгу автора взял за болванку,
К ней пристроил свои он труды,
Описал много всякой беды
И всю суть повернул наизнанку.
Получился жестокий гибрид,
Но приличный снаружи был вид.

Всё в одно поместил сочиненье:
Свою часть он в начало вложил,
А поэта в конец отложил.
Искажённым вдруг стало ученье —

Ловкость рук и обман сотворил,
Правды честных людей он лишил.

Получилась единая книга,
Как бы автор всё это писал,
А Адам её просто издал.
«Мы нашли сочиненья! Интрига!»
Благородным Адам оказался:
«Я для друга поэта старался».
Что несло в этой книге святое,
Перестало людей пробуждать,
Стало злобу и боль возбуждать,
Смыслы все превратились в пустое.
Ограничил свободу изданием
Сатанинским своим он стараньем.

Правду с ложью смешал он умело,
Чтоб никто сомневаться не стал.
От работы он даже устал,
В мир отправил труды свои смело.
Руководство сей труд оценило,
Смерть Адаму тогда отменило.

Как всегда, он поэта подставил,
После смерти покоя не дал.
«Я за средства свои всё издал, —
В лучшем виде себя он представил, —
Если что-то не так – я не в курсе,
Я и так издержался в ресурсе».

Раскрутили творенье Адама,
Люди стали читать и вникать,
Умудрился народ всё признать.
В души лез груз из всякого хлама,
Все забыли про истинный текст,
Книги новой все ели эффект.

Психологию рабского люда
Доносила Адама солянка,
Всем по вкусу пришлась та обманка.
Здравомыслия не было чуда,
Не заметили люди подвох
В беготне бытовых суматох.
Постепенно сознание менялось,
Путь к развитию плотно закрыт,
И любви светоч прочно зарыт,
Здравомыслящих мало осталось.
Хорошо поработал губитель,
Всего чистого враг и душитель.

На кровати сидел, вспоминая
Этот прошлый свой жизни кусок.
Думал, вышел для снов уже срок,
Тут опять боль пришла головная:
Это Фёдор встревожил сознание,
Хочет снова вернуть понимание.

Всё настроено было в системе.
Нет ни сбоя – хорош механизм,
Усечён у людей героизм,
Нет намёка и места проблеме.
«Мозг включать в наши планы не входит,
И директор стада зря заводит.

Неужели опять будут сниться
Прошлой жизни мои все дела?
Думал, тема давно умерла,
А она лишь смогла затаиться.
С того света поэт всё заходит
И слова лишь добра мне находит».

Это больше всего раздражало,
Не судил за убийство поэт,
Излучал всепрощающий свет,
А Адам просыпался устало,
И себе не хотел он признаться,
Что во сне стал поэта бояться.
Ощущение в груди возникало,
Чувства раньше он эти не знал.
Сердца стук лишь в груди нарастал,
Как-то воздуха всё не хватало,
И тянуло к поэту безбрежно,
С ним обняться хотелось так нежно.

Это всё лишь пугало Адама.
Просыпался бедняга впотьмах,
Будто чувствовал собственный крах
И в мозгу зависала программа.
Гнал подальше, проснувшись, всё это,
Проклинал на чём свет он поэта.

И опять всё сначала, по кругу,
Ненавидел злосчастный завод,
Ненавидел проклятый народ,
Поддаваясь пустому испугу.
Окружить всех смертельным кольцом,
Уничтожить – и дело с концом...

Часть пятая

Сон прошёл, и тоска отступила,
И Адама совсем не узнать.
Руки стал в кулаки он сжимать,
Страсть и злоба Адама слепила,
Очень сильно властитель завёлся,
Видно, сильный соперник нашёлся.

А от скуки чего не сыграешь.
«Развлекусь, расхожусь, разомнусь
И от спячки я праздной проснусь.
Хочет вырваться тут, понимаешь,
Наше братство всем миром владеет,
Сомневаться никто не посмеет».

Сам решение принять он боялся —
Иерархия, что тут сказать,
И жестоко могли наказать.
Шефам чётко Адам подчинялся,
Вроде властный богатый игрок
Сам на ниточке – высчитан срок.

Получил он добро на злодейство.
«Это кто там про волю запел?
Кто буянить так нагло посмел?
Ну-ка, вызвать его на судейство,
Кто таков, как зовут и откуда,
Не встречали такого мы чуда».

За работу схватился активно,
В грязь лицом не хотелось упасть.
Все должны на заводе пропасть,
Лишь тогда сможет жить позитивно.
Под каблук всех, и хватит свободы,
Быть должны в кабале все народы.

Разработан прекрасный сценарий,
Утверждён, согласован, прочтён.
Каждый шаг в нём рассчитан, учтён
Тяжкий труд мозговых полушарий,
И бюджет для проекта назначен,
Хватит всем для решения задачи.

Потрудилось народу немало,
Институтов и прочих общин,
Женщин умных и разных мужчин.

Даже ночью бригада не спала,
Всех компьютер, конечно, подправил,
Чтобы в рамках все двигались правил.

Подобрались артисты из местных,
Заготовлены были пораньше,
Мастера все обмана и фальши,
Все в пороках печально известных.
Суть игры им никто не расскажет,
Только властно работать прикажет.

Кто-то втёмную будет разыгран,
Раз мозгов разобраться не хватит.
Их Адам компроматом прихватит,
Будет лести куплет им наигран.
Вот такими рулить очень просто,
Продадут мать родную для роста.

Куча ряженных к действию готова,
Всех цветов и мастей выбирай.
Ты, Адам, веселей лишь играй,
Люда масса совсем бестолкова.
Как к скотам он ко всем относился,
Положеньем своим возгордился.
Про бюджет стоит тоже поведать:
Всё с завода достать и забрать
И на эти коврижки играть.
Все финансы завода изведать,
Должен будет за всё заплатить
Тот директор, решивший шутить.

«Мы натянем рабочим на уши
Иллюзорный расплывчатый бред.
Люд доверчив, известен секрет.
Головой он привык только кушать,
Правду ложью красиво закрасим,
Светоч мысли природной угасим.

Целый мир создадим из обмана —
Технология матричных снов.
Всех духовных лишим их основ,
Жизни тратят пускай для кармана,
Не поймёт ни один из болезных,
Как годов он лишился полезных.

И комар носа тут не подточит,
Все естественно будут играть,
Как в театре, стонать и страдать,
Зритель жить по лекалам захочет.

И закон мироздания не тронут,
Сами лезем мы в дьявольский омут.

Даже тот, кто ещё не родился,
Будет в матрицу лжи помещён,
От реальных идей защищён».
Отпрыск так же семьёй воспитался,
Приговор беззаботному детству
И повтор день за днём по наследству.
Все со рвением примут похлёбку —
От младенцев до старых людей.
У Адама хватает идей,
Черепную заполним коробку.
Как бы правдой, сама, ненароком
Информация хлынет потоком.

Пусть попробует мозг заработать,
Разобраться не смогут ни в чём,
Будто дали по лбу кирпичом.
Будут радостно гибели хлопать,
Всё разрушат своими руками,
Предводителя выдадут сами.

«Удовольствия, секс и чернуху
Молодым мы подложим в постель.
В душах лёд, эгоизм и метель
Им моральную сварят разруху.
И девизы для них все простые:
Ты прожги годы жизни златые.

Пожилым и постарше людишкам
Справедливость положим в карман,
Всюду, скажем, глобальный обман.
Вы не верьте в правлении шишкам,
Словно рыбы наживку ухватят,
На бессмысленность жизни потратят.

Дамам, женщинам, просто девицам
Сказки слепим об их красоте.
И мужчины у вас все не те,
Не идут вашим крашеным лицам.
Женский род купим весь с потрохами,
Ложный путь обозначим деньгами.
Семьи крепкие свалятся в пропасть,
Маме нужно заняться собой,
Жизнь семейная – чушь и отстой.
К чёрту скромность, порядочность, робость.
А мужья непременно к стакану —
Благодарность Адама обману.

Псевдоволю свободой объявим,
Этой пищей накормим умы.
Поопасней бубонной чумы
Мы заразу народу предъявим,
Будут думать все так, как мы скажем,
К брату ненависть ловко развяжем.

Непотребности разные спустим,
Всем на головы выльем бадью,
А потом им назначим судью.
Ниже плинтуса люд мы опустим,
Скот загоним бичом в наше стойло —
Вот такое всем сварено пойло.

Усыпим, убаюкаем массы,
Чтоб не стало реальных свобод
И не мог баламутить народ
Этот мнимый герой из пластмассы.
Опирается директор не сможет
На людей, их завод не встревожит.

Безразличье в рабочих посеем,
Будет им на завод наплевать.
Станут люди вредить, воровать.
Мы такое состряпать сумеем
И борьбу с неуёмным героем
Информацией глупой укроем».
Потирал деловито ручонки
Мастер ловких захватов умов.
Полетит куча светлых голов
В пустоту, все растратят силёнки.
Даже страшно всё это представить,
План такой кто способен составить?

Жизнь проходит своя, не чужая.
К свету нужно глаза открывать,
Мир уверенно к Богу толкать.
Мы ж живём, сатану обожая,
Все в пороках, страстях заблудились
Мы для этого, что ли, родились?

Сами горе себе мы привозим,
Не проснуться, зевая, никак,
Словно стая безумных собак
Мы от дьявола мысли возносим,
А своё мы готовы распнуть.
Может, вера подскажет нам путь?

Часть шестая

Дом стоял посредине поляны.
Пни вокруг от деревьев торчком,
Птицы мимо летели бочком,
Им не нравились сада бурьяны.
Сад вишнёвый спилили, убили,
А деревья в кострищах спалили.

Ноября появились седины,
Но не дали приятного цвета,
И трава, что осталась от лета,
Добавляла угрюмость картины.
Серо-белый нерадостный праздник,
Только ветер гуляет, проказник.

Дом, когда-то красивый и людный,
Облупился и выцвел от солнца,
В паутине большие оконца
Излучали от пыли свет мутный,
Очень редко окошки светились.
Шторы часто во тьме шевелились.

Лес стеной охранял эту серость,
В нём вороны ругались на дом,
Окружили участок кольцом,
Осуждая картинки нелепость.
Вспоминали пернатые вишни,
Как деревья бывали подвижны.

Из деревни соседней собаки
По-хозяйски бродили в саду,
Часто грызлись за пищу-еду,
Постоянные склоки и драки...
Им из дома бросали объедки,
Были эти обеды так редки.

Псы сновали без дела и цели,
Бытия безнадёжность рисуя,
На могиле бездумно танцуя,
Будто все на планете истлели.
Царство мёртвых напомнило это
И бесславный конец всего света.

Из трубы, что на крыше торчала,
Вился часто белёсый дымок,
Видно, жителя брал холодок.

К ночи стужа в оконце стучала,
В ноябре в этот год уж морозно —
Так зима подбиралась уж грозно.

Дом заброшен, но был обитаем,
Ещё теплилась в ком-то там жизнь.
Видно, звезды удачно сошлись.
Облик женщины был узнаваем,
Звали дома владелицу Вера —
Это ей шевелилась портьера.

Одиночество Веру сковало,
Добровольно ушла от людей
И, устав от безумных идей,
В доме старом одна проживала.
Чётко Вера и твёрдо считала:
Мир дошёл до концовки начала.

Не общалась ни с кем ни за что,
Только дети нечасто звонили,
Дом забросить, уехать просили,
Вдруг беда – не поможет никто.
Уговоры все были напрасны —
Твёрдость Веры все знали прекрасно.
Непонятно всё было, конечно.
Может, мир Веру сам оттолкнул,
Как кинжал в спину подлость воткнул,
Ведь жестокость людская извечна.
Толку было, видать, с Веры мало,
Как-то всё так нелепо совпало.

Так одна жизнь свою коротала,
Дни и ночи смотрела в окно,
Находилась как будто в кино,
Ленту прошлого в мыслях мотала.
Было женщине что вспоминать,
Не вернуть те события вспять.

Кресло, плед – таковы атрибуты.
Вера часто топила камин,
Наблюдая за сменой картин.
Убивала часы и минуты,
В окнах годы бежали, мелькали...
«Лучше люди, – ворчала, – не стали».

Посетителей было лишь двое.
Почту носит Надежда – девчушка,
Для неё Вера просто подруга,
Оптимизма дыханье младое.

Незнакомая хозяйка со злостью,
Не гнала говорливую гостью.

Раз в неделю соседка по дому
Приходила проводить подружку,
Убирала её комнатушку.
Не могла гостя жить по-другому,
Звали женщину просто Любовь,
Согревала чуть Верину кровь.
Дом соседки в лесу за рекою,
Там Любовь проживала с семьёй,
С многолюдной, весёлой, большой.
Выделялась Любовь красотой,
Очень Веру соседка жалела:
День за днём Веры ясность слабела.

Почтальон доставляла газеты
И продукты по просьбе носила,
Ничего за визит не просила.
К Вере жалости чувства задеты,
Оставляла пакет на пороге
И обратно бежала к дороге.

Все газеты читала хозяйка,
Всё от корки до корки подряд,
Будто некий вершила обряд.
Журналистов изучена байка,
Знать желала, что деется в мире...
Кровь лилась в этой адской квартире.

Прочитав газетёнки, их рвала
И бросала, как мусор, в огонь.
Говорила, всё та же там вонь,
Головой безнадёжно качала:
Беспросветная тьма и погибель,
Скоро свет разменяют на прибыль.

После чтенья сидела недвижно,
Застывала надолго во тьме:
«Вся земля проживает в тюрьме...» —
Про себя бормотала неслышно.
Вера искренне горько страдала,
О судьбе всех людей рассуждала.
А с Любовью потом толковала,
Всё хотела планету спасти.
Вот куда вам такое снести?
И старушку в щеку целовала,
Успокоит с любовью ворчунью,
О людских о грехах говорунью.

Успокоится позже, замкнётся,
Снова в кресло, и плед на плечах.
Вспоминает, как мир весь зачах.
До утра Вера вряд ли очнётся,
Прошлых бед заедали печали,
Когда птицы тревожно кричали.

Плед поправит Любовь бережливо
И уйдёт беспокойно домой:
Как же женщине плохо одной!
И оглянется с болью тоскливо,
Знала Люба историю Веры,
Мужа резкий упадок карьеры.

Веры жизнь вот во что превратили:
Был поэтом известнейшим муж.
Ледяным был для женщины душ,
Когда мужа в саду застрелили,
Подлю в спину жестока расправа —
Журналистам продажным забава.

Никого не нашли виноватых,
Цирк из следствия вышел тогда,
А у Веры случилась беда:
Муж прибавился к строю распятых,
Все газеты с ума посходили,
Густо грязью поэта полили.
Растерзала поэта вся пресса,
Все грехи поползли на него:
Книги, может, совсем не его,
Своего лишь хотел интереса...
Оболгали поэта умело,
Веру горе ужасно задело.

Суд решил: было всё ограбленьем,
Цель убийц — лишь богатства поэта,
Обыск всем показал кабинета,
Просто кража была преступленьем.
После выстрелов в дом забежали,
Веру бедную просто связали.

Чуть хозяйку, связав, приглушили,
Дом вверх дном перевёрнут весь был,
Ведь бандитский оплачен был пыл.
К грабежу в масках те приступили.
Было людям нормальным понятно:
Суд запутать хотят, вероятно.

В кабинете возились, сновали,
Всё бумаги бросали в огонь,
Шла по дому горящая вонь.
Веры разума ясность сломали —
Люба знала по Веры рассказам,
По оборванным, спутанным фразам.

Правда, люди нашлись неплохие,
После смерти издали труды.
Стали в Любы семье все горды,
Что соседи у них вот такие.
Стали Вере хоть чем помогать
И её раз в семь дней навещать.
Шла домой всё Любовь, вспоминая,
Очень Веру жалела она,
Посиделки её у окна.
Эх, привычка ужасно плохая!
Как помочь ей из плена прорваться,
Снова жизнью своей наслаждаться?

Ветер зимний походку ускорил,
Лес шумел и готов был к зиме.
Люба бодро шагала к семье,
Хоть визит её снова расстроил.
Ночью ждали сегодня мороза,
Есть надежда на точность прогноза...

Часть седьмая

Секретарь у Адама в работе.
День сегодня безумный такой,
Запись вёл он уставшей рукой,
Делал всё как на автопилоте.
Тьма народу к Адаму на встречу,
Так давно не бывало, замечу...

Всю неделю толпились в приёмной
Всех мастей и расцветок друзья.
По порядку, всех вместе нельзя,
Силой брал всё Адам неуёмной,
Роли всем выдавал режиссёр,
Управлял, будто он дирижёр.

По сценарию вся расстановка,
По инструкциям строго играть,
Самовольно не стоит шагать,
Не то сердцу придёт остановка.
Суммы, деньги, счета, переводы —
Знает шеф, как сжигают заводы.

Сам устал спать и жить в кабинете,
Но задача превыше всего:
Результат братство спросит с него,
За удачный исход он в ответе,
Не получится что-то, он знает,
Адам в курсе, как это бывает.

Сценаристы, актёры, поэты...
Кто-то в робах с завода пришёл,
И священник дорогу нашёл.
Интересы всех партий задеты.
Коллектив подобрался пестрейший,
Журналистов отряд был важнейший.

Аналитиков, блогеров тыщи,
Разговорного жанра умов,
Очень трезвых и умных голов —
Все стервятники жаждали пищи.
Управленцы с того же завода
От предательства ждали дохода.

Вёл приём секретарь по порядку:
«Группа первая, вся на ковёр. —
Взгляд Адама жесток и остёр. —

Подпишите вот здесь разнарядку,
Деньги в кассе – аванс за работу,
Подыграйте ура-патриоту.

Нужно громко кричать что есть мочи,
Рвать рубаху: «Умрём за завод!»
Разделить на кусочки народ,
Затуманить рабочему очи,
В бой вести на погибель за дело.
Мозга нет, только брненное тело.

Пропаганду вести повсеместно
И в газетах печатать протест.
Вот готов зажигательный текст,
Пусть читают, там всё интересно.
Разожгите пожар из эмоций,
В нужный час кровь людская прольётся.

Вы для всех и всего оппоненты,
Слить помой должны вы на всех.
Здравомыслию больше помех.
Подпишите ещё документы,
Паспорта дам другие в награду.
После дела – бегом за ограду.
Ваше дело – создать образ мерзкий,
Чтоб завод ненавидел весь мир,
Все подумали: вот где сортир.
Неприятен всем выскочка дерзкий,
Чтоб не стали другие заводы
С отморозком водить хороводы.

Из истории выньте героев,
Оболгите их праведный труд,
Личных всяких найдите причуд
И побольше творить мордобоев.
И на каждом углу вы орёте,
Как соседний завод заберёте.

Иностранцев должны ненавидеть —
Эту видимость нужно создать, —
Всем врагам и чужим наподдать
И при случае хамски обидеть.
Патриоты за дело квасные,
И характеры ваши взрывные.

Все на видео снять и размножить.
Мы покажем позор на весь свет,
Вот смотрите носителя бед.
Сможем ненависть мира умножить.

Вот такой вот директор завода,
Сокращенье устроим дохода.

Пошло, гадко себя вы ведите,
Невоспитанность – нужный конёк.
Будет публике всё невдомёк,
Что вы просто заводу вредите.
Все пороки в себе соберите
И порядочность русских сотрите.
Никаких справедливых замашек,
Честность, правду свалите в утиль,
Разожгите народный фитиль,
На груди рвите больше рубашек.
Вмиг общественность воем завоюет,
И волна гнева их принакроет.

Отделите завод от планеты,
Чтоб работал он только с собой.
Стал он голый, несчастный, босой.
Будут песенки ими все спеты,
Сепаратных подлить настроений,
Нужно много народных волнений.

Вы орите на каждом собрание,
Что не нужен нам в мире никто,
Что своё ближе к телу пальто.
Отвлеките рабочих вниманье,
На негодные цели пусть смотрят,
Отношенья с соседями портят.

Вместо нужных рабочих моментов
Глоткой пусть поактивнее быют,
Пусть без дела лентяи снуют,
И не нужно соплей-сентиментов.
Жертвы будут от вашей работы,
Похоронят не ваши заботы.

В туалетах, цехах и курилках
Баламутить вам нужно людей.
Им подкиньте бредовых идей,
Все мозги обваляйте в опилках.
Ваше дело – безумная смута,
Люда ярость должна быть надута».
Говорил всё Адам, возбуждался,
Ненавидел проклятый завод
И завода упёртый народ.
В нём как будто упырь просыпался,
Контролировал слабо сознание,
Только злоба – его понимание.

Труппа молча и смирно стояла,
Все готовые ринуться в бой,
С головою своею больной
Честь и совесть свою растеряла.
Отбирали таких специально,
Для людей тех жестокость нормальна.

Мать родную на деньги сменяют,
Низкопробные души жадны.
В них пороки с грехами сильны,
В сердце Бога совсем не пускают.
Им Адам только лишь предлагает,
Каждый сам за себя выбирает.

Вот Адам все закончил рассказы,
И инструкции вот на столе.
«Преуспейте в своём ремесле,
Жду от вас вездесущей заразы.
По прочтении сжечь, уничтожить,
При удаче оклад вам умножить»...

Убежали творить прохиндеи.
В кабинете остался Адам.
«Вот уж, Фёдор, тебе я задам.
Дело сделают эти злодеи,
Ну а я в стороне наблюдаю,
Незаметно для всех наступаю».
Сел Адам, подуставший от встречи:
«Вот предатели, что тут сказать,
Всё готовы на деньги сменять.
Крематория ждут их уж печи.
Я бы дело своё провалил,
Если б кто-то их всех удалил.

Как слабы и податливы люди!
На бумагу меняют судьбу,
Раскатав на богатства губу.
Без работы хотят всё на блюде,
Повернут не туда все желанья.
Нет таким у меня оправданья».

Трубку снял, там ответили тихо.
Говорил очень чётко Адам:
«За работу я щедро воздам.
Только помни: нужна мне шумиха.
После дела их деньги в доход,
Исполнителей этих в расход»...

Часть восьмая

Отдохнув на диванчике, быстро
Он умылся, поужинал, сел:
«Я кого-то там видеть хотел?
Кто там дальше согласно регистру?»
Был Адам в деле этом настроен,
Ведь писательский опыт усвоен.

Секретарь доложил всё по чину
И завёл всех мужчин в кабинет.
Предыдущего хлеще квартет,
Эти точно устроят кончину.
Вида жалкого люди стояли,
Роль печальную ловко играли.

Кинул взгляд на грустившую группу,
Улыбнулся актёрам Адам:
«Гонорары за роли всем дам».
Тем расслабил предателей труппу,
Их звезда не нашла небосвода,
Продадут свой талант для дохода.

«Роль сыграйте никчемных людишек,
Всё пропало, должны вы дрожать.
Нужно мерзко, трусливо орать:
«Пожалейте же наших детишек!»
Это текст из написанных фраз.
Вот такой необычный заказ.

Ваше дело – рассеять проблемы,
Вы из мухи взрастите слона,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.